

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

Восьмая

международная летняя школа по русской литературе

Статьи и материалы

Каукоемриälä (Цвелодубово)
Свое издательство
2012

К вопросу о типологии святочных рассказов Н. С. Лескова

В последние десятилетия отмечается заметный рост интереса к творчеству Н. С. Лескова. В частности, был написан ряд работ и статей, посвящённых социально-философским и религиозным воззрениям писателя, лесковской концепции человека. Художественный мир, бытовая культура, национальный характер, природа вымысла в творчестве писателя стали предметами специальных исследований наряду с проблемой достоверности, литературными традициями, творческими связями Лескова¹.

Между тем, однако, стоит отметить неравномерное распределение внимания к творческому наследию писателя. Так, можно отметить, что следующим рассказам не было посвящено отдельных исследований: «Штопальщик» (в первоначальной публикации — «Московский козырь», — Газета А. Гатцука. 1882. №10), «Жидовская кувырколлегия» (Газета А. Гатцука. 1882. №33), «Привидение в Инженерном замке» (первоначально - «Последнее привидение в Инженерном замке», — Новости и Биржевая газета. 1882. №294–295). Все эти произведения вошли в сборник «Святочные рассказы».

Материалом для нашей статьи послужили святочные (рождественские) рассказы: «Белый орёл», «Дух госпожи Жанлис. Спиритический случай», «Жемчужное ожерелье», «Жидовская кувырколлегия», «Зверь», «Маленькая ошибка. Секрет одной московской фамилии», «Неразменный рубль», «Обман», «Отборное зерно» (краткая трилогия в просонке), «Под Рождество обидели», «Привидение в инженерном замке» (из кадетских воспоминаний), «Пугало», «Пустоплясы», «Путешествие с нигилистом», «Путешествие с нигилистом», «Старый гений», «Фигура», «Христос в гостях у мужика», «Чертогон», «Штопальщик».

Обширный охват исследуемых нами рассказов обусловлен авторским художественным замыслом: Н. С. Лесков сам объединил часть

¹ См. обзорную работу И. П. Видуэцкой: Видуэцкая И. П. Между двумя юбилеями // Н. С. Лесков в пространстве современной филологической мысли (К 175-летию со дня рождения). М. : ИМЛИ РАН, 2010. С. 3–10.

рассказов в сборник («Святочные рассказы», 1886); остальные рассказы по отдельности были опубликованы в декабрьских и январских номерах различных периодических изданий.

Святочный рассказ как жанр русской литературы к настоящему времени достаточно хорошо изучен. В работах Е. В. Душечкиной, Н. Н. Старыгиной и других прослежены происхождение и эволюция святочного рассказа, его жанровые традиции (Е. В. Душечкина), место святочных рассказов Н. С. Лескова в ряду других циклов (Н. Н. Старыгина, П. Г. Жирунов)².

Практически всеми исследователями отмечается оригинальность Лескова в подходе к традиционным жанрам, а также в формировании новых жанровых форм, что связывается с мироощущением, основополагающими принципами его литературной деятельности³.

Очевидна направленность святочной прозы Лескова на изображение современных общественных тенденций и исследование свойств национального характера.

Характерная особенность святочного жанра в творчестве писателя — переплетение фольклорной и христианской традиций, при явном превалировании последней. Таким образом, перефразировав выражение И. А. Есаулова о русской литературе XIX в., можно сказать, что святочные рассказы Н. С. Лескова в своём магистральном векторе не противостояли многовековой русской православной традиции но, напротив, выросли из этой традиции⁴.

Вместе с тем вопрос о том, как соотносятся между собой понятия «святочный рассказ», «рождественский рассказ», «пасхальный рассказ» в контексте творчества Лескова, на наш взгляд, пока остается до конца не разрешенным.

«Календарные» тексты по своей природе связаны с соответствующим праздником. Так, жанр рождественского рассказа писался в па-

² Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: Изд-во С.-Петербургского гос.ун-та, 1995. 256 с.; Старыгина Н. Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. Вып. 2: Художественные и научные категории. Сб. науч. трудов. Петрозаводск, 1992. С. 113–127; Жирунов П.Г. Жанр рассказа в творчестве Н.С. Лескова 80–90-х годов XIX века (Проблемы поэтики): автореф. дис. канд. филол. наук: 19.02.04 / Жирунов Павел Геннадьевич; [Волгогр. гос. пед. ун-т]. Волгоград, 2004. 21 с.

³ См., в частности: Лесков Н. С. О литературе и искусстве. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. 285 с.

⁴ Есаулов И. А. Пасхальность и отечественная словесность // Православный педагогический журнал «Глаголь». 2002 г. №8.

мьять о рождении по плоти Иисуса Христа от Девы Марии, которое празднуется 25 декабря (7 января по новому стилю); святочный рассказ связан с порой языческих святок — двенадцатидневным периодом между Рождеством и Крещением, периодом разгула нечистой силы, магических обрядов и гаданий; пасхальный рассказ посвящен событиям Воскресения Христова.

Скажем несколько слов о соотношении, скорее, о частичном противоположении терминов «рождественский рассказ» — «святочный рассказ» и «рождественский рассказ» — «пасхальный рассказ».

Термины первой пары зачастую смешивают, однако очевидно, что это не одно и то же. Поскольку основу рождественского рассказа составляет христианская традиция, то в его рамках говорится о христианских добродетелях; святочное же повествование трактует об испытании человека инфернальными силами, злыми сущностями⁵.

⁵ Так, исследовательница Е. В. Душечкина пишет: *«Пасхальные же тексты явились производным от рождественских. При этом пасхальные рассказы, как правило, разрабатывали те же мотивы, что и рождественские, и не внесли в жанр календарного рассказа ничего существенно нового. Мотив искупительной жертвы, который, казалось бы, должен был стать в них доминирующим, встречается не чаще, чем в рождественских текстах, что свидетельствует о вторичности пасхальных рассказов по отношению к рождественским. Объяснение этого явления, видимо, лежит в том, что рассказы зимнего ^ календарного цикла выросли из традиции фольклорного святочного рассказа, которая, в отличие от пасхальной, была более развитой и широкой. Устные календарные рассказы, приуроченные к пасхе, тоже встречаются, но несравненно реже. Да и диапазон их сюжетов не столь разнообразен»* [Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. С. 198–199]. Таким образом, отрицается наличие пасхальных текстов: *«Когда же святочный/рождественский рассказ окончательно утвердился как жанр периодической печати, вдруг обнаружилась лакуна в номерах, выходящих к Пасхе, которую издатели и писатели попытались заполнить «пасхальной» словесностью. И все же самостоятельной жанровой разновидности выработать на этом пути не удалось: пасхальные рассказы очень напоминают рождественские, с одной лишь разницей — тема Рождества заменяется в них темой Воскресения <.> Термин «святочный рассказ», во первые стал «покрывать» любой календарный текст, а во-вторых, иногда вовсе утрачивал свою календарную закрепленность. Отчего временная его характеристика оказывалась нейтральной: время происшествия переставало играть какую бы то ни было роль»* [Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. С. 199–214]. Другой точки зрения придерживается исследовательница И. Есаулов (Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.), В. Захаров (Захаров В.Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. Вып. 3. Евангельский текст

Основными обрядами, находящими отражение в святочных рассказах, являются колядование, гадание, «беседы», «игрища» (свадьба, в покойника), ряженье⁶.

Комплекс рождественских обрядов отражает следование христианской традиции, а именно: прославление Христа, хождение с вертепами и со звездой, украшение ели, дарение подарков, запрет употребления пищи до первой звезды. Этот праздник стал своего рода семейным торжеством, на котором особое место занимают дети.

Безусловно, как хронологическое отнесение повествования к одному из трёх праздников, так и совокупность мотивов и устойчивых образов помогают раскрыть идейное содержание святочного или другого рассказа из «смежных» со святочным жанров.

Основными мотивами святочных произведений являются мотивы «нечистой силы», «гадания», «святочного сна», «ряженья», «смерти», «чуда», «путаницы», «встречи с душами умерших»⁷.

Тема Рождества вносит свои мотивы: «доброты», «милосердия», «примирения», «ожидания», «рождественского чуда»⁸.

Проблематика пасхального рассказа, как отмечается исследовательницей С.Ю. Николаевой, — опереживание страстям Христовым⁹. Таким образом, акцентируется не приход в мир, рождение Иисуса Христа, а его смерть и последующее воскресение. Акцент смещается с выполнения обещания на земле, переустройства здешнего мира на обещание жизни вечной, то есть уже после смерти. Поэтому основными мотивами становятся «духовное воскресение героя» и «апокалиптический», а «пасхальное чудо» связывается, прежде всего, с внутренним преображением человека.

в русской литературе XVIII — XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1994. С. 249–253.), О. Савельева (Савельева О.А. Апокрифическая повесть «Страсти Христовы»: некоторые вопросы структуры и поэтики // Проблемы исторической поэтики. Вып. 1. Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1994. С. 76–83), в работах которых пасхальный текст выделяется как отдельное явление; рассматриваются вопросы, связанные с его историей возникновения, развития и становления.

⁶ Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. С. 25–43.

⁷ Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. С. 25–43.

⁸ Там же. С.144–148.

⁹ Николаева С. Ю. Пасхальный текст в русской литературе XIX века. М., Ярославль : Литера, 2004. 360 с.

В данной статье мы попытаемся на материале корпуса святочных рассказов Н. С. Лескова показать реализацию «святочного», «рождественского» и «пасхального» текстов в его творческой парадигме.

Одним из наиболее характерных признаков как святочного, так и рождественского, и пасхального рассказов является «элемент чудесного»¹⁰, который выполняет функцию новеллистического пуанта в сюжетно-композиционной структуре произведения. Очевидно не рутинное понимание Н.С. Лесковым этой категории: *«Предлагаемые в этой книге двенадцать рассказов написаны мною одновременно, преимущественно для новогодних номеров разных периодических изданий. Из этих рассказов только немногие имеют элемент чудесного — в смысле сверхчуждественного и таинственного. В прочих причудливое или загадочное имеет свои основания не в сверхъестественном или сверхчуждественном, а истекает из свойств русского духа и тех общественных веяний»* (выделено нами. — Е. Ш.), *в которых для многих, — и в том числе для самого автора, написавшего эти рассказы, заключается значительная доля странного и удивительного»*¹¹.

Расширение категории чуда у Лескова зачастую связывается с маскировкой, обходом цензуры, сатирическим подтекстом произведений. Таким образом, Н.С. Лесков «превращается» в мистификатора жанра и разоблачителя чудесного и мистического¹². Между тем сам писатель упоминал о своей любви к необъяснимым явлениям в жизни: *«Я от природы немножко суеверен и всегда с удовольствием слушаю рассказы, в которых есть хотя какое-нибудь место таинственному»*¹³.

В рассказах «Дух госпожи Жанлис», «Привидение в Инженерном замке», «Путешествие с нигилистом», «Белый орёл» реализуется традиционный мотив нечистой силы, в роли которой выступают привидения, духи и «нигилист, да в полном своем облачении, со всеми составами и револьвер-барбосом» (7, 126). Это является традиционным святочным сюжетом, в котором чудо заключается в том, что с рассветом вся нечистая сила уходит и кошмар заканчивается.

¹⁰ Выражение Н.С. Лескова из предисловия к сборнику: Лесков Н.С. Святочные рассказы. — СПб.-М.: Т-во М.О. Вольф, 1886. — 409 с

¹¹ Там же.

¹² См. Гроссман Л. Н. С. Лесков: Жизнь — творчество — поэтика. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1945. — 320 с.; Гебель В. А. Н. С. Лесков: В творческой лаборатории. М.: Советский писатель, 1945. 223 с.

¹³ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. Т. 7. С.81; далее ссылки на это издание даются в тексте в скобках: первое число — том, второе — страница.

ся. В «Путешествии с нигилистом» подозрительный персонаж [нигилист] оказывается прокурором судебной палаты, таким образом, пусть и не физически, но «исчезает», а вот болтун-дьякон действительно куда-то пропадает: *«дьякона уже не было; он исчез, как нахал-киканец, даже и без свечки. Она, впрочем, была и не нужна, потому что на небе уже светало, и в городе звонили к рождественской заутрене»* (7, 132). В «Приведении в Инженерном замке» «приведениями» оказываются живые люди, надевшие простыни с намерением испугать кадетов и прохожих, а потому с рассветом нечистая сила, как и в других рассказах, исчезает — кадеты снимают белые одеяния; *«трупом в белом, с распущенными седьми волосами»* (7, 123) оказывается вдова покойного генерала.

То же видим в «Белом орле» и «Духе госпожи Жанлис»: призрак Ивана Петровича Аквиляльбова улетает, напевая «До свиданс, до свиданс, — же але о контраданс», а дух *«откальвает в строгом салоне такую школярскую штуку, что последствия этого были исполнены глубокой трагикомедии»* (7, 87).

Второй часто встречаемый мотив у Н.С.Лескова в святочных рассказах — чудо внутреннего преображения человека, перерождение, духовная смерть и воскресение. К группе рассказов, в которых реализуется этот мотив, относятся «Чертогон», «Зверь», «Жемчужное ожерелье», «Неразменный рубль», «Пугало». Так, например, в святочном рассказе «Зверь» показывается взаимное понимание «укротителя зверя» Ферапонта и медведя Станареля, человекоподобное поведение зверя. Одно из чудесных событий в «Звере» — милость главы семьи, который и устроил травлю на медведя, присвоив себе по ассоциации имя «зверя» — жестокого человека. Увидев такое отношение укротителя к зверю (даже не к человеку), он расплакался. Поведение человека и зверя здесь относится к чудесным явлениям, поскольку их невозможно рационально объяснить. Сравним описание дяди рассказчика в начале и в конце рассказа: *«В характере у него преобладали злобность и немолчимость, и он об этом нимало не сожалел, а напротив, даже щеголял этими качествами, которые, по его мнению, служили будто бы выражением мужественной силы и непреклонной твердости духа»* (7, 260). И в конце святочного рассказа: *«Вдруг что-то упало... Это была дядина палка... Ее ему подали, но он до нее не коснулся: он сидел, склонясь набок, с опущенною с кресла рукою, в которой, как позабытая, лежала большая бирюза от застезки.... Но вот он уронил и ее, и... ее никто не спешил поднимать. Все глаза были устремлены на его лицо. Происходило удивительное: он плакал! Священник тихо раздвинул детей и, подойдя к дяде, молча благословил его рукою»* (7, 278).

Функция чуда — пасхального чуда в этих произведениях — это наполнение смыслом жизни. В момент духовного воскресения человеческая жизнь наполняется утраченным прежде смыслом, человек переосмысливает свою жизнь и вольно или невольно духовно перерождается.

Также распространённым в святочных рассказах Н. С. Лескова является мотив прощения, который мы находим в рассказах «Фигура», «Под Рождество обидели», «Христос в гостях у мужика», «Пугало».

В рассказе «Фигура» главный герой, офицер по фамилии Вигура (переделанной «народом» в *Фигуру*), совершает недостойный по кодексу офицерской чести поступок: прощает нанесённую пьяным казаком пощёчину. Дело происходит в ночь, когда совершается праздничное пасхальное богослужение, и именно это обостряет внутренние сомнения и терзания Вигуры. Лесков показал здесь укрепление в человеке истинной веры.

В большинстве святочных рассказов можно выделить мотив «русского чуда» — гениального в своей простоте и, одновременно, абсурдного выхода из безвыходного положения¹⁴: *«Случай этот может вам показать, что наш самобытный русский гений, который вы отрицаете, — вовсе не вздор. Пускай там говорят, что мы и Рассея, и что у нас везде разлад да разлад, но на самом-то деле, кто умеет наблюдать явления беспристрастно, тот и в этом разладе должен усмотреть нечто чрезвычайно круговое, или, так сказать, по-вашему, «социальное»»* (7, 282).

Проанализировав рассказы, в которых этот мотив выходит на первый план, а именно: «Маленькая ошибка», «Штопальщик», «Старый гений», «Отборное зерно», «Жидовская кувырколлегия», «Обман», — мы отмечаем, что сюжет построен по законам рождественской утопии, чудо преподносится как нечто «странное и удивительное», но возможное. Кроме того, во всех рассказах отмечается и пасхальный мотив спасения: достойным героям помогает избавиться от нищеты счастливый случай («Штопальщик») или, например, русский солдат избавляет от «падежа» иудеев, одного из которых звали Лазарем («Воскрешение Лазаря — последнее великое чудо Христово, последний отблеск Славы Его перед Ночью Страстей»¹⁵) («Жидовская кувырколлегия»), или главный герой является одним из «сынов века» из притчи о благоразумном домоправителе¹⁶, придумывая, помогая другим найти полезное

¹⁴ Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. С.194.

¹⁵ Мень А.В. Православное богослужение. Таинство, Слово и образ. — М.: СП «Слово», 1991. С. 85.

¹⁶ См.: Библия. Н. 3. Лк. 16, 1–13.

дело (старушке, барину, купцу, товарищам по несчастью) («Маленькая ошибка», «Старый гений», «Отборное зерно», «Обман»).

Таким образом, выделяется ряд мотивов, являющихся центральными для святочных рассказов Н. С. Лескова. Мотив нечистой силы генетически связан с традицией святочных рассказов, демонологией; мотивы прощения и внутреннего преображения/воскресения генетически связаны с пасхальными текстами; мотив «русского чуда», на наш взгляд, имеет более сложное происхождение. Так, с одной стороны, сюжет рождественской утопии, естественно, связан с традицией написания рождественских текстов, с другой стороны, нами был отмечен и актуализируемый в каждом случае мотив спасения, который по природе связан с пасхальными рассказами. Однако важно отметить, что спасителем во всех случаях является человек, будь то богач или простой мужик, что в свою очередь, условно говоря, опять возвращает нас на землю. Напомним, что актуализация «земного» в человеческой жизни связана с праздником Рождества, свершением чуда на земле, а «небесное» традиционно связывается с праздником Пасхи и обещанием жизни вечной. Мотив «русского чуда», рассмотренный в последней группе рассказов, тяготеет к рождественской традиции.

Н. С. Лесков в святочных рассказах интересуется механизмом возникновения фантастического события: *«как такие вещи кому представляются»* (выделено нами. — Е. Ш.) — *это меня чрезвычайно занимало»* (7, 6). Эта субъективная сторона (источник и атмосфера существования) становится предметом описания в святочных рассказах.

По критерию источника фантастического события мы предлагаем разделить исследуемые нами рассказы на 3 группы (см. таблицу 1).

Таблица 1

Индивидуальный опыт	Коллективное предание (коллективный опыт+коллективное бессознательное)	Социальный опыт
<p>«Чертогон» «Белый орёл» «Зверь» «Под Рождество обидели» «Христос в гостях у мужика» «Пустоплясы» «Неразменный рубль»</p>	<p>«Пугало» «Дух госпожи Жанлис» «Привидение в инженерном замке» «Путешествие с нигилистом»</p>	<p>«Жемчужное ожерелье» «Отборное зерно» «Обман» «Штопальщик» «Жидовская кувырколлегия» «Старый гений» «Пугало» «Фигура»</p>

К первой группе можно отнести рассказы, в которых таинственное присутствует в действительности и получает двойственную оценку, как, например, в рассказах «Чертогон», «Белый орёл», «Неразменный рубль», «Под Рождество обидели», «Христос в гостях у мужика», «Пустоплясы», «Зверь». Источником фантастического события в них можно назвать индивидуальные переживания людей, в которых человек, личность получает опыт единения, слияния с некими иными, глубинными структурами мироздания, с трансцендентным миром. Возникает особое мироощущение, в основе которого лежит представление о двойственности мира, когда за привычным, каждодневным угадывается иное бытие.

В других рассказах Лескова в центре повествования — мифические предания, народные предрассудки и пространство их бытования. К этой группе рассказов можно отнести «Пугало», «Приведение в инженерном замке», «Дух госпожи Жанлис», «Путешествие с нигилистом».

Так, в рассказе «Пугало» Лесков изображает ненависть мужиков целой округи к некоему Селивану, в котором все видят колдуна, вредителя, губителя. Неожиданный случай раскрыл подлинную внутреннюю красоту и доброту Селивана, настоящего праведника, и резко изменил отношение к нему людей. Объясняя случившееся, отец Ефим Остромыслений раскрывает рассказчику его причины: *«Христос озарил для тебя тьму, которою окутывало твоё воображение — пусторечие тёмных людей. Пугало было не Селиван, а вы сами, — ваша к нему подозрительность, которая никому не позволяла видеть его добрую совесть. Лицо его казалось вам тёмным, потому что око ваше было темно. Наблюдай это для того, чтобы в другой раз не быть таким же слепым»* (8, 52).

К третьей группе отнесем рассказы, в которых фантастического события как такового нет, странное и удивительное в этих рассказах находит своё выражение в отношениях между людьми. В эту группу входят: «Жемчужное ожерелье», «Отборное зерно. Краткая трилогия в просонке», «Обман», «Штопальщик», «Жидовская кувырколлегия», «Пугало», «Фигура», «Старый гений». В большей степени в них отражены основные черты русского народного характера, а также народное православное мировоззрение.

«Жемчужное ожерелье». Название этого рождественского рассказа отсылает к поверью о том, что жемчуг приносит слёзы: *«Выговор ему за подарок жемчуга следовал потому, что жемчуг знаменует и предвещает слезы. А потому жемчуг никогда для новогодних подарков не употребляется»* (7, 442). Но отец Машеньки в это предубежде-

ние не верит. Опровергает этот миф финал рассказа, в котором отец невесты признаётся, что подаренный им жемчуг был фальшивым, а, следовательно, счастьем молодой семьи ничего не угрожает. Но на самом деле, не столько признание Николая Ивановича, сколько реальность, жизнь, человеческая искренность разрушает предрассудок: *«Знаете, Николай Иванович, — это будет щекотливо... Маше будет неловко, что она получит от вас приданое, а сестры ее — нет.... Это непременно вызовет у сестер к ней зависть и неприязнь... Нет, бог с ними, — оставьте у себя эти деньги и... когда-нибудь, когда благоприятный случай примирит вас с другими дочерьми, тогда вы дадите всем поровну. И вот тогда это принесет всем нам радость... А одним нам... не надо!»* (7, 446).

Итак, распределив святочные рассказы Лескова по критерию источника фантастического события, можем сделать вывод о том, что вторая группа рассказов, связанная со святочной литературной традицией, представлена меньшим количеством рассказов, что, на наш взгляд, объясняется «опошлением» и затиранием в 1880-е гг. столь популярного жанра русской литературы XIX в., как святочный рассказ. Таким образом, Лесков, следуя традиции жанра, тем не менее переосмысляет и расширяет границы святочного рассказа, который *«может видоизменяться и представлять любопытное разнообразие, отражая в себе и свое время и нравы»* (7, 433).

«Святочные рассказы» — сказки о мнимых и подлинных чудесах, случающихся на Рождество. В поэтике Лескова святочный рассказ видоизменяется: допускается переосмысление мотива рождественского чуда и вводится установка на достоверность описываемых событий.

Н.С. Лесков следовал жанровой традиции святочного рассказа, однако считал, что не их герои мифогенны, а сама русская действительность фантастична и непредсказуема.